

Сыропарова Полина Александровна

аспирант кафедры речеведения
и теории коммуникации
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Palina Syroparava

PhD Student of the Department
of Speecheology and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus polina.syroparova@gmail.com

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
УПОТРЕБЛЕНИЯ ОБРАЗА НЕЧИСТОЙ СИЛЫ
В ПАРЕМИЯХ, СОДЕРЖАЩИХ ПОНЯТИЯ «ПРОСТРАНСТВО» И «ВРЕМЯ»

NATIONAL-CULTURAL DETERMINATION OF THE USE OF THE IMAGE
OF EVIL SPIRITS IN PAROEMIAS CONTAINING
THE CONCEPTS "SPACE" AND "TIME"

В статье рассматривается употребление образа нечистой силы в белорусских паремиологических высказываниях, содержащих понятия «пространство» и «время». Проанализирована мотивированность применения данного образа для экспликации пространственно-временных отношений, обусловленная особенностями белорусской духовной культуры и мифологии. Представлены лексические единицы, используемые в языке для передачи образа нечистой силы. Приведены примеры соответствующих паремий из белорусских литературных произведений.

Ключевые слова: лингвокультурология; паремия; пространство; время; мифология; образ нечистой силы.

The article examines the use of the image of evil spirits in Belarusian paroemiological statements containing the concepts "space" and "time". The motivation for using the image of evil spirits to explicate space-time relations, conditioned by the peculiarities of Belarusian culture and mythology, is analyzed. Lexical units used in the language to convey the idea of evil spirits are presented. Examples of corresponding paroemias from Belarusian literary works are given.

Key words: linguoculture; paroemia; space; time; mythology; image of evil spirits.

Репрезентация окружающей действительности в языке – одна из наиболее интересующих современную лингвистику сфер исследования. Особую актуальность эта проблема приобретает с точки зрения современного подхода к изучению языка в тесной взаимосвязи с национальной культурой. Исследование такого рода предполагает определяющую роль окружающей действительности в формировании картины мира и находит свое отражение в способах категоризации в языке явлений, с которыми сталкивается человек.

Важными категориями окружающей действительности являются «пространство» и «время». В современном мире вопрос пространственно-временных отношений остается одним из наиболее дискуссионных и актуальных во многих отраслях знания. Считается, что «пространство» и «время» образуют корпус основных экзистенциальных категорий, формирующих человеческое мышление и деятельность, так как мир состоит из объектов и событий, имеющих пространственно-временную протяженность.

Лингвокультурный аспект категорий «пространство» и «время» проявляется в том, что В. фон Гумбольдт назвал душой народа – в языке: «Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное» [1, с. 48]. В языке сохраняется и выражается культурная информация о жизни определенного этноса в определенный исторический период. Национально-культурная семантика языка особенно ярко прослеживается в поговорках. Эти единицы языка непосредственно иллюстрируют культурную действительность и поэтому представляют интерес не только как средство общения между людьми, но и как источник огромного количества знаний о национальной истории и культуре страны. Русский этнограф И. М. Снегирев писал: «В пословицах и поговорках народ высказывает сам себя живее и сильнее, нежели все описания посторонних наблюдателей» [2, с. 84].

В основе термина *паремия* лежит греческое слово *παροιμία* [parimía] ‘поговорка, пословица, притча’. Некоторые словари, например, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля или «Этимологический словарь русского языка» Макса Фасмера, дают определение паремий как фрагментов Библии (преимущественно – Ветхого Завета), предназначенных для богослужебного употребления.

В настоящее время в лингвистике термин *паремия* имеет несколько дефиниций. Лингвисты используют различные подходы при его определении. Ряд авторов рассматривает паремию в качестве родового термина к понятиям *пословица* и *поговорка*. В. М. Мокиенко трактует паремию как «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное изречение дидактического характера, включающее в себя пословицы, поговорки и идиоматические выражения» [3, с. 8]. Л. Б. Савенкова термином *паремия* обозначает «вторичные языковые знаки – замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями» [4, с. 14]. В. А. Воропаева относит к паремиям «пословицы, поговорки, изречения из Священного Писания, обладающие признаками общеизвестности» [5, л. 92].

Некоторые авторы в своих исследованиях указывают на сходство между паремиями и фразеологическими оборотами. Г. Л. Пермяков в своем научном труде «Основы структурной паремиологии» отмечает, что паремии, как и фразеологические обороты «представляют собой клише и используются в качестве знаков», а также «обладают функциональным сходством и могут выступать в речи в одинаковой или сходной роли» [6, с. 201].

Часть лингвистов считает, что паремии исключаются из области фразеологии. По мнению В. П. Жукова, «от фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются в структурно-грамматическом отношении, поскольку они являются законченными предложениями». Жуков также указывает на смысловую и интонационную завершенность, синтаксическую членимость и другие признаки предложения, отличающие пословицу от фразеологизма. По его мнению, важно и то, что основу пословицы составляет не понятие, как у фразеологизмов, а суждение [7, с. 9].

Проблема интерпретации паремии остается актуальной в современном языкознании. Такая особенность паремии, как синкретичность (сочетание в себе черт фразеологических сочетаний, пословиц, поговорок, афоризмов и т.д.), затрудняет определение ее статуса в ряду других устойчивых выражений, а также формулировку единой дефиниции данного термина. В общетеоретическом смысле паремию можно определить как устойчивую, воспроизводимую в речи, не менее чем двухкомпонентную языковую единицу, в которой кратко, обобщенно и вместе с тем стилистически и грамматически оформлено иллюстрируется законченная мысль, выражающая мудрость определенного народа, а также культурный опыт, аккумулированный на протяжении многих поколений.

Белорусский язык, как и любой другой, отличается национально-культурной спецификой, поэтому для исследователя-лингвиста белорусские паремии, несомненно, имеют лингвокультурологическую ценность. Национально-культурная специфика выражается посредством лексико-семантического содержания паремий: названия реалий материальной и духовной культуры белорусов, животного и растительного мира Беларуси, имена известных персон, географические названия, обычаи и традиции, исторические события, быт и гражданско-экономический уклад, литература и др.

Вопрос пространственно-временных отношений находит свое отражение в полной мере и в белорусских паремиологических высказываниях. В результате анализа паремий, отобранных из «Фразеологического словаря белорусского языка» И. Я. Лепешева, «Слоўніка беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў» С. Ф. Ивановой и Е. Е. Иванова, а также

«Русско-белорусского словаря пословиц» Е. Е. Иванова, был сделан следующий вывод: одним из наиболее частотных образов в белорусских паремиях, используемых для экспликации понятий, входящих в семантическое поле «пространство» и «время», является образ нечистой силы, что обусловлено особенностями славянской мифологии. В паремиях нечистая сила чаще всего представлена лексическими единицами *чорт*, *ліха*, *д'ябал*, *нячыстая <сіла>*, *нялёгкая <сіла>*.

В белорусском фольклоре черт представлен как антропоморфное существо, покрытое черной шерстью, с рогами, хвостом и копытами. Собственно черти отличаются от прочей нечисти местами своего обитания и свободой передвижения (повсюду, вплоть до церкви ночью), а также способностью к оборотничеству (превращаются в черную кошку, собаку, свинью, змею, чаще в человека, странника, младенца, кузнеца, мельника, могут принимать облик знакомого соседа, мужа и тому подобных). Черти в народных верованиях постоянно вмешиваются в жизнь людей: могут причинять как мелкие неприятности и принуждать к неправильным поступкам, так и провоцировать на преступление, самоубийство, а также пытаются заполучить душу человека. Считается, что черти могут также насылать непогоду, метель, сами превращаются в вихрь, срывающий крыши, приносящий болезни [8].

Воплощением злой доли, горя и несчастья в восточнославянской мифологии является Лихо. Один из распространенных способов представления Лиха в мифологии – облик бабы огромного роста с одним глазом, которая спит на кровати из человеческих костей. Лихо на своем пути валит деревья, засыпает реки и озера, не проявляя жалости ни к людям, ни к животным: всех встречных существ Лихо разрывает на части и съедает [9, с. 97].

Вышеописанные образы в белорусской культуре являются исключительно отрицательным, поэтому выражения с лексемами *чорт*, *ліха*, *д'ябал*, *нячыстая <сіла>*, *нялёгкая <сіла>* имеют негативную коннотацию. Зачастую они используются для:

- 1) передачи эмоций – *баяцца як чорт крыжа/ладана* (страх); *што за чорт* (удивление); *ліха яго бяры* (безразличие);
- 2) описания отрицательных черт характера человека – *чорт лазаты* (очень злой человек); *хітры як чорт* (пронырливый человек); *чортам падшыты* (неугомонный, неусидчивый человек);
- 3) описания неблагоприятных погодных условий – *чэрці жэняцца*, *чэрці вяселле спраўляюць*, *чорт з ведзьмай ажаніўся* (очень сильная метель); *д'ябальская спёка* (жаркая, знойная погода);
- 4) неодобрительной оценки событий, поступков, действий – *чорт пацягнуў за язык* (сожалеть, что было сказано лишнее);

- 5) усиления отрицания – *чорта лысага, чорта з два* (ничего подобного);
6) указания на количество – *да ліха, да чорту* (очень много) и др.

Использование образа нечистой силы для выражения категории «пространство» связано с предполагаемым местом обитания мифологических существ. Черт – это существо из преисподней, где он мучает грешников. Дьявол также ассоциируется с темным подземным миром, откуда посылает искушения на людей. Считается, что черти часто обитают в лесах, глубоких болотах, горах и других удаленных и непроходимых местах, которые являются опасными и таинственными. Лихо живет на старой заброшенной мельнице или в глухом лесу. Описанные мифологические существа обитают в отдаленных и недостижимых для человека местах, поэтому паремии, содержащие образ нечистой силы, который используется для выражения категории «пространство», имеют следующие значения.

Очень далекое, труднодоступное место – *у чортавых зубах, у чорта на рагах, дзе чорт хамуты не вешае, супраць ліха на ўзгорачку*. Пр.:

- *Аказалася, што Грыша працуе недзе ў чорта на рагах...* (А. Асіпенка);
- *Да ці ж такую кватэру ўжо атрымаеш?! Дадучь дзе-небудзь у чорта ў зубах маламетражку, і будзь здароў...* (М. Васілёнак).

Глубокое, бездонное место – *чортава акно, чортава вока*. Пр.:

- *Справа пачыналіся непраходныя смаленскія лясы з балотамі і вечна незамярзаючымі чортавымі вокнамі* (А. Асіпенка);
- *Ніводнага чортавага акна не засталася на балоце, па якім цяпер уздоўж і ўпоперак хадзілі магутныя чалябінскія трактары* (М. Паслядовіч).

Подальше от кого/чего-нибудь (в том числе негативная коннотация «Прочь!», «Вон!») – *да д’ябла, да чорта, к чорту, к/да чортавай матары*. Пр.:

- *- Вось жа ўспам’янеш мае словы! Не будзь я Іван Масладуда, калі мы не прагонім іх да чортавай матары!* (М. Лынькоў);
- *- І правільна ён цябе распісаў... Ідзі да д’ябла з маіх вачэй!*

Неизвестное место – *ліха ведае дзе, адзін чорт ведае дзе, нячысцік ведае дзе*. Пр.:

- *Ліха ведае, дзе ляжаць тыя скарбы;*
- *Адзін чорт ведае, дзе яны згубіліся.*

Направление движения («Куда?», «Откуда?», «Где?» и др.) – *чорт нясе/панёс, ліха нясе, нячыстая гоніць/носіць, чэрці ўхапілі*. Пр.:

- *Астап хацеў быў рушыць да хаты, але Ганна папярэдзіла: – Пачакай хіба, яны хутка. Даведаешся, можа, куды іх чорт нясе* (М. Лынькоў);
- *Дзе гэта цябе нячыстая носіць? – сярдзіта запытаў дзед.*

Использование образа нечистой силы для выражения категории «время» обусловлено ассоциацией мифологических существ с хаосом, непредсказуемостью и нарушением нормального порядка вещей. Образы черта и дьявола часто служат для обозначения того, что выходит за рамки привычного, что может быть воспринято как негативное или нежелательное, а также для описания событий, которые происходят вне контроля человека или развиваются не так, как было запланировано. Паремии, содержащие образ нечистой силы, используемый для выражения категории «время», имеют следующие значения.

Не вовремя, в неподходящий момент – *чорт прыгнаў, чэрці прыгнали, нячысік прынёс, ліха прынесла, нячыстая сіла прынесла, нячыстая/нялёгкая нясе*. Пр.:

- - *Каго там нялёгкая нясе не ў пару?* – сказаў я (М. Васілёнак);
- *Не паспеў я вярнуцца дадому, як у сяло прыехаў Ліпаў. Ён спыніўся каля Палікарпавай хаты. “Чаго яго прынесла нялёгкая?”* – падумаў я (А. Якімовіч).

Незапланированно, несвоевременно, неожиданно – *на табе чорт табакі, як чорт з табакеркі*. Пр.:

- - *Да, бачыш, сына чакаў ён ад першых родаў. Юркам назваць збіраўся, а тут – на табе чорт табакі* – дачку жонка нарадзіла ўчора (І. Козел);
- *Новы дырэктар з’явіўся як чорт з табакеркі і адразу пачаў усё мяняць.*

Потрачено много времени впустую – *пораўся, пораўся, а чорта выпараў*. Пр.:

- *Тры тыдні згубіў ён на пошукі, але безвынікова* – **пораўся, пораўся, а чорта выпараў**.

Торопить/опережать события – *лезці ў пекла раней за бацьку, паперад/раней бацькі ў пекла сунуцца/лезці*. Представленные паремии чаще всего употребляются в качестве предупреждения в форме императива с частицей *не*. Пр.:

- - *Гэй, не лезь раней бацькі ў пекла! Дай склад адкрыю!* – *закрычаў Давыдоўскі, адкідваючы завалу і расчыняючы шырокія, на дзве палавіны, дзверы* (В. Адамчык).

В данном случае для выражения категории «время» используется не сам образ нечистой силы, а ее место обитания: “Пекла – паводле рэлігійна-містычных уяўленняў – месца, дзе церпяць вечныя пакуты душы памерлых грэшнікаў, месца, дзе адбываюцца небяспечныя, жахлівыя падзеі. Лезці ў пекла – тое, што і лезці чорту ў зубы” [10, с. 102].

Таким образом, обращение к образу нечистой силы в паремиях обусловлено особенностями белорусской духовной культуры и мифологии. Самыми частотными языковыми единицами в проанализированных паре-

миях являются *чорт, ліха, д'ябал, нячыстая <сіла>, нялёгкая <сіла>*; выражения с данными лексемами имеют негативную коннотацию. Использование образа нечистой силы для выражения категории «пространство» связано с местом обитания мифологических существ, тогда как употребление данного образа для передачи категории «время» обусловлено ассоциацией мифологических существ с хаосом, непредсказуемостью и нарушением нормального порядка вещей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт ; пер. с нем. яз. ; под ред. и с предисл. Г. В. Рамишвили. – 2-е изд. – М. : Прогресс, 2000. – 400 с.
2. Снегирев, И. М. Словарь русских пословиц и поговорок : Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Н. Новгород : Рус. купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.
3. Мокиенко, В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) / В. М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6–20.
4. Савенкова, Л. Б. Русская паремиология : семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова ; Рост. гос. ун-т. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 2002. – 239 с.
5. Воропаева, В. А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Воропаева Виктория Александровна ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2007. – 168 л.
6. Пермяков, Г. Л. Основы структурной паремиологии / Г. Л. Пермяков. – М. : Наука, 1988. – 236 с.
7. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
8. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 672 с.
9. Коваль, У. І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы : Даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У. І. Коваль. – Гомель : Беларус. Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.
10. Іванова, С. Слоўнік беларускіх прыказак, прымавак і крылатых выразаў : лінгвакраіназнаўчы дапаможнік / С. Іванова, Я. Іваноў. – Мінск : Бел. Фонд Сораса, 1997. – 262 с.

Поступила в редакцию 21.03.2025